

Текст · 26 августа 2020, 07:17

Никита Сологуб,

«Можно листья обрывать и давать кролям». На 85-летнего жителя Кабардино-Балкарии завели дело из-за куста конопли, через три дня он повесился

«Взял эту ветку и понемножку кролям давал»

13 августа этого года в калитку одноэтажного дома на Красной улице в кабардино-балкарском городке Нарткала постучали двое мужчин в голубых рубашках. Когда 83-летняя Евгения Георгиевна приоткрыла ее, незнакомцы назвали ее фамилию — Захарченко — и спросили, дома ли муж.

Пенсионерка подумала, что мужчины пришли чинить повредившийся насос и позвала его.

Бросив шланг, из которого он поливал огород, 85-летний Николай Захарченко вышел за калитку. Не было его долго, вспоминает супруга — вода лилась и лилась, поэтому шланг пришлось перекрыть.

Вернувшись, мужчины — незваные гости оказались полицейскими^[1] — мельком показали старушке

бумагу, прочесть ее целиком плохо видящая женщина не успела. Документ оказался^[2] постановлением на обследование помещения.

В нем сказано, что «согласно поступившей оперативной информации», Николай Захарченко причастен к незаконному обороту наркотиков

и «занимается выращиванием запрещенных к возделыванию наркосодержащих растений, а также хранением, изготовлением и потреблением различных наркотиков в крупном размере» — а потому в его доме необходимо провести обыск, не терпящий отлагательств.

Потрясенный Николай Макарович сел на стул во дворе, вспоминает его супруга; через калитку вошли еще пятеро в штатском, а за ними — двое крупных мужчин в черном, похожие на бойцов ОМОН. Никто из них не представился и не показал служебного удостоверения.

«Прошли, муж сидит, глаза треугольные, дрожит. Он так напугался! Я говорю: "Ты, рецидивист, к тебе пришли, хорошо что не с автоматами!". Он так растерялся, его стало трясти, хотя еще ничего обнаружено не было», — вспоминает пенсионерка.

Бегло осмотрев палисадник, мужчины прошли в жилую комнату, вытряхнув там содержимое двух тумбочек, заглянули в гараж и кухню, после чего отправились в спрятанный под навесом сарай, стоявший между кладовкой и курятником — по словам Евгении Георгиевны, шли они так целеустремленно, как будто знали, где нужно искать.

Там в углу полицейские нашли металлический таз, в нем лежал срубленный и согнутый куст конопли со стеблем, разветвлениями и высохшими листьями. Оперативники положили его в черный пакет. Затем один из них обратил внимание на невысокую поросль конопли на земле и попросил Николая Макаровича

вырвать ее. Лишь после того, как пенсионер сделал это, у него взяли смывы с рук^[3].

Этот куст вырос на окраине участка еще год назад, говорит Евгения Захарченко — ветка длиной чуть больше метра. «Мы там рвем травы и скидываем их на перегной. С левой стороны кизил, с правой стороны топинамбур, что растет, то и рвем, и кролей кормим, у нас их много, — объясняет она. — Со стороны соседа нашего Артура эту часть видно, он как-то мужу сказал: "Вы бы убрали коноплю, сейчас штрафы большие за это!". А муж слепой и глухой, а сосед разговаривает через нос, поэтому муж подумал, что он ему по-кабардински говорит».

По-кабардински в семье разговаривала только супруга, поэтому она подошла к соседу, и тот объяснил, что растение у них на участке — это конопля.

«До этого я вообще не знала, что это наркотики какие, зеленый цвет — значит, можно листья обрывать и давать кролям! — продолжает пенсионерка. — Я сразу схватила топор, муж говорит: "Что, голову мне рубить будешь?". Я ему все объяснила, срубила этот куст, даже лопатой корни вырубил. А он говорит, что кроли так кушают его хорошо, взял эту ветку и в ванную металлическую положил, и понемножку кролям давал. Давал, давал, а то, что не успел дать — то высохло, ну и мы забыли об этом».

Постановление на обследование жилища оперативники получили 11 августа, за два дня до визита к семье Захарченко. Евгения Георгиевна

считает, что «оперативная информация» поступила к ним от соседа с другой стороны, Павла Грехова, с которым она конфликтует^[4] уже несколько лет — очень уж целенаправленно полицейские прошли к тазу с кустом.

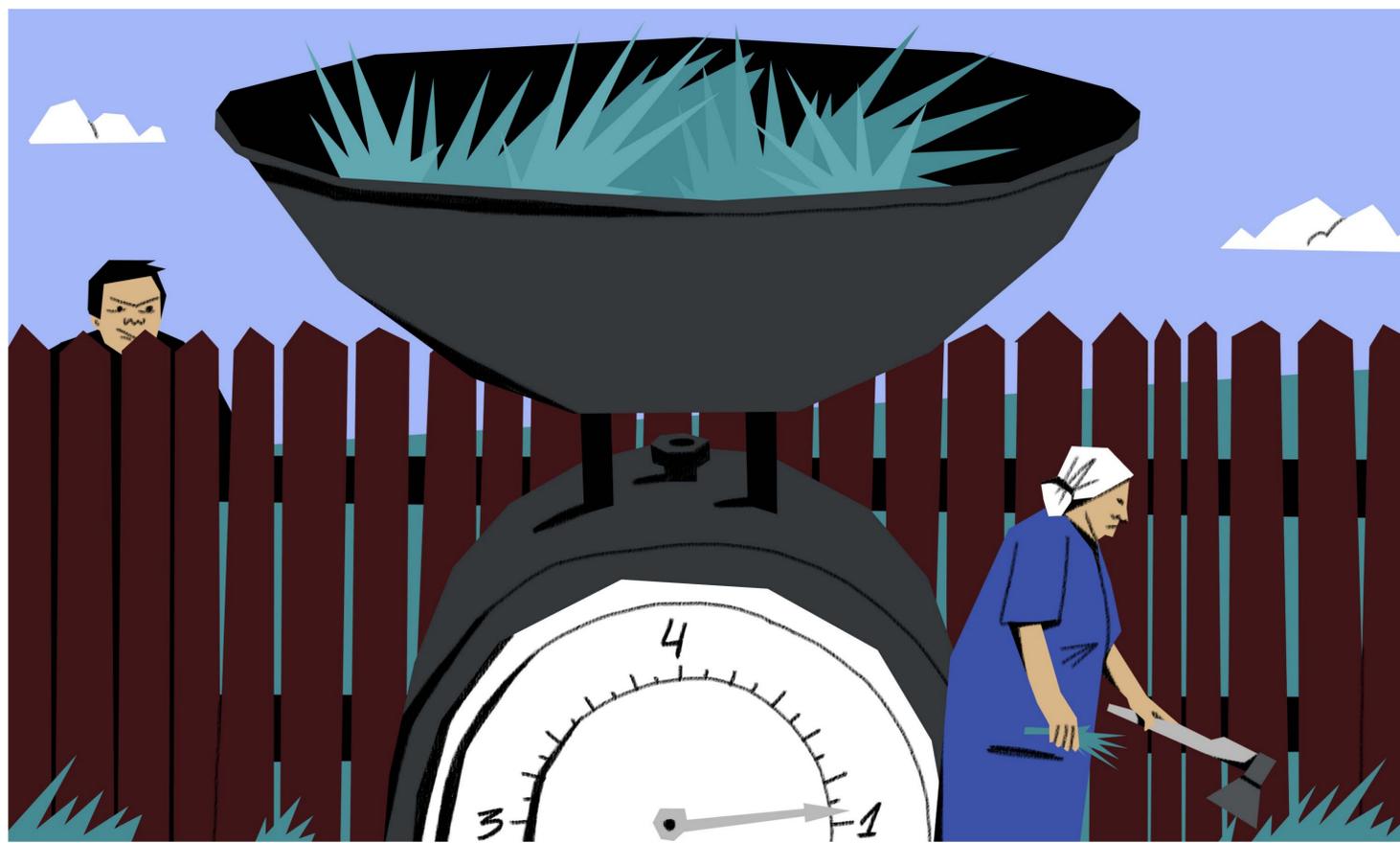

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Уголовное дело по тяжкой статье

Изъяв куст и тампоны со смывами, сфотографировав десятки таблеток, разбросанных по дому — Евгения Георгиевна пережила онкологию с последующей мастэктомией^[5], а Николай Макарович страдал от гипертонии, сахарного диабета и последствий инфаркта — около 10:00 полицейские увезли пенсионера в отдел полиции по Урванскому району. Привезли обратно его только около 18:00.

Жене Захарченко рассказал, что несколько раз пытался уехать сам, но полицейские не пускали, объясняя, что если они привезли, то и увезти обратно должны тоже они. В отделении, говорил пенсионер, он несколько раз подписал пустые протоколы.

«Они ему не объясняли, что это уголовное дело, а просто говорили: "Дедушка, успокойтесь, такие правила, мы ведь у вас изъяли этот куст, поэтому нам надо отчитаться перед судом. Подписывайте, потом мы все объясним". Он спрашивает: "А почему тут написано, что выращивал для употребления, я же ничего не употреблял?". "Ну кроли ваши ведь употребляли, значит, что использовали вы его для употребления"», — пересказывает слова мужа Евгения Георгиевна.

По ее словам, супруг поехал в отдел даже не позавтракав и не взяв с собой таблетки, которые надо принимать три раза в день. «Только вечером, говорит, ему дали кофе, круассан и кусок пиццы. Вернулся он очень угрюмый, лица на нем не было, никак успокоиться не мог — я и валерьянку, и корвалол, и пустырник, что только не давала ему. Хотела покормить его, он и есть не стал — только три ложки каши рисовой съел. Стал сам не свой. Что они там делали с ним?».

За эти восемь часов Николая Захарченко так и не допросили — следователь ограничился объяснением, которое пенсионер дал оперативникам еще утром. «В присутствии адвоката не нуждаюсь. Из августа [у меня дома начался обыск] <...> Мне предложили выдать вещества, изъятые из свободного гражданского оборота действующим законодательством РФ, я ответил, что таковых не имеется. [Когда полицейские нашли коноплю], я пояснил что это конопля, которая росла у меня на огороде и примерно неделю назад я ее вырезал и положил в ванную для сушки и

последующего кормления кроликов», — сказано в подписанном пенсионером пояснении.

Уже к вечеру в тот же день было готово экспертное заключение — взвесив куст^[6] вместе со стеблем, отростками и корнями, эксперт определил его массу в 921 грамм. На марлевых тампонах со смывом с носогубного треугольника Захарченко следов каннабиноидов обнаружено не было, зато они нашлись на смывах с рук пенсионера — которые, по словам жены и понятого, были взяты уже после того, как он по просьбе оперативника вырвал поросль конопли.

Когда пенсионера увезли домой, следователь ОМВД по Урванскому району написал постановление о возбуждении в отношении него уголовного дела по части 2 статьи 228 УК (изготовление наркотических средств в крупном размере, наказание — от трех до десяти лет лишения свободы).

Супруги узнали об этом лишь на следующий день и случайно — их соседка Марина Абазова, участвовавшая в обыске в качестве понятой, листая ленту в инстаграме, увидела запись^[7] в аккаунте МВД Кабардино-Балкарии: «13 августа 2020 года наркополицейские ОМВД по Урванскому району совместно с сотрудниками уголовного розыска и ППС в ходе санкционированного обследования домовладения местного жителя обнаружили и изъяли вещество растительно происхождения со специфическим запахом. Экспертиза установила, что растением является конопля. Высушив листья, мужчина хранил их для личного потребления без

цели сбыта. Возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 228 УК».

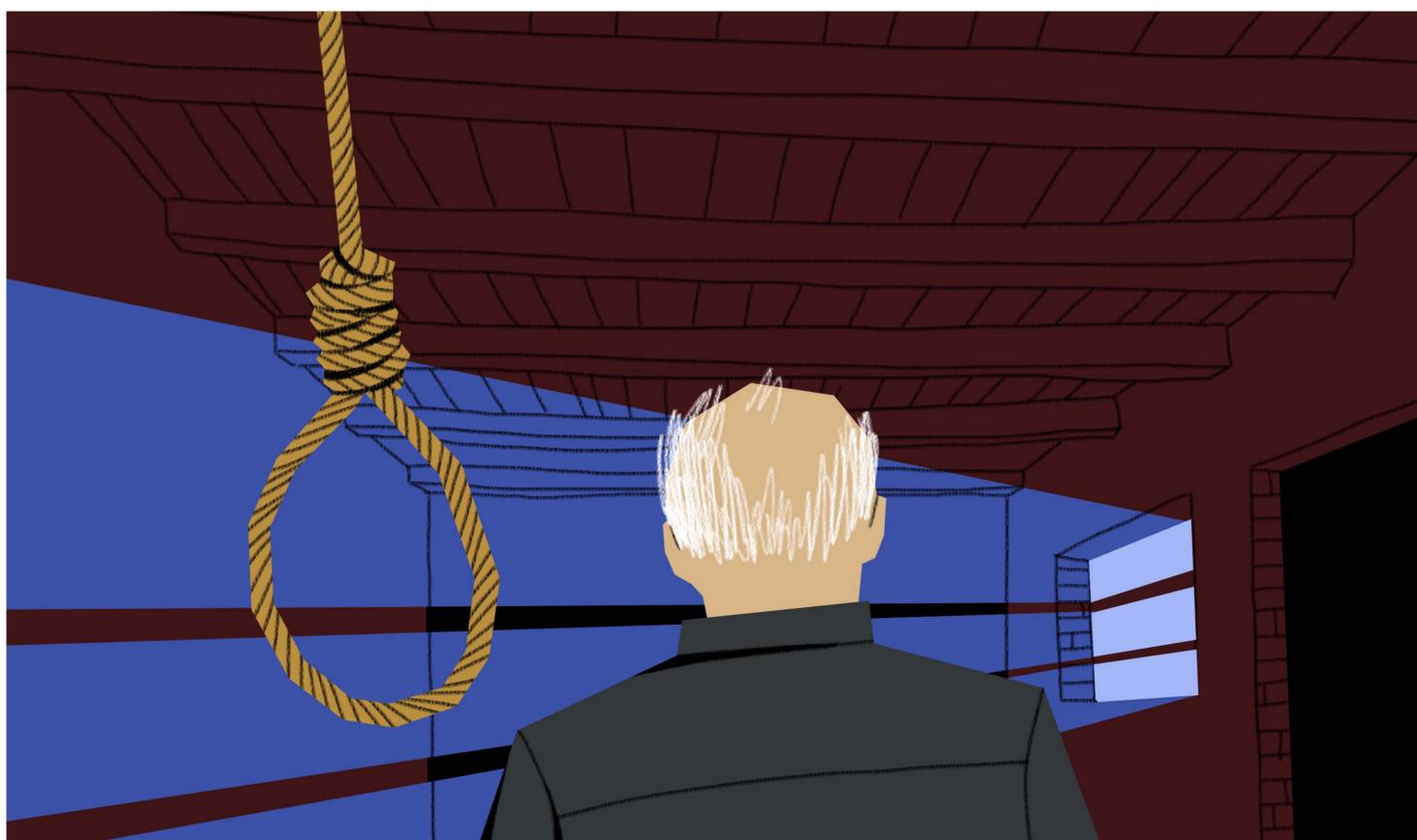

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Открыла дверь, а он висит»

Николай Захарченко попросил соседку посмотреть в интернете, какой срок грозит по этой статье. «Когда он увидел, что там до десяти лет, у него глаза на лоб полезли, — вспоминает супруга. — Он хоть и болел много, но никогда не говорил, что болезнь ему жить мешает, а тут он говорит: "Вот прибавь к 85 десять — я же умру в тюрьме. Я в тюрьме не хочу умирать, я так не хочу"». В тот же день пенсионерка поехала за юридической помощью в Нальчик — местным защитникам она доверить мужа не решилась — и рассказала обо всем адвокату Руслану Ельмирзокову.

Вскоре супруг стал вести себя странно, вспоминает Евгения Георгиевна — почти не ел, питаясь только сливами и молочной сывороткой, дал жене доступ к своим накоплениям в банке, объяснив, что, если его действительно посадят, она сможет потратить их на передачи, впрок закупил корм для котов и куриц.

Когда вечером 17 августа она собралась спать, муж сказал, что пока ложиться не хочет, и остался сидеть на диване.

«Было холодно, я дверь закрыла, — вспоминает пенсионерка. — Потом уже около 23 услышала звук такой — щелк, щелк, но снова уснула. В шесть я встала. Хотела пойти спросить у него, как его настроение — он любил, чтобы я около него была, говорил, что так ему легче, когда я рядом. И я смотрю, а постель хорошо застелена на диване. Видно, что не спал. Я подхожу — замок закрыт. Я ему: "Эй, Коля, Николай!". В курятнике нету, туалет на щеколду закрыт уличный».

Она заметила, что одна из дверей в сарай закрыта на щеколду, а другая открыта и внутри горит свет: «Я сразу обомлела. Открыла вторую дверь, а он висит на веревке. Я подумала, что он только что повесился. Тронула — а он уже как камень застыл. На шее веревка у него, а он, видно на педали встал, там два старых велосипеда стояли, как запчасти он держал. Он на педали встал, одел на шею себе петлю к балке привязанную и с педали упал, и между сиденьем и рулем сидел. Как одетый был в костюме — он накануне думал, что адвокат к нему приедет — так и остался».

На столе Евгения Георгиевна нашла клочок бумаги с водянистыми следами — как она предполагает, от слез пенсионера. «Прощай, моя дорогая жена Женя, мои дети, мои внуки и правнуки. Я ни в чем не виноват. И расписался», — пересказывает вдова записку.

Похороны прошли 20 августа. По словам жены, на них пришли все соседи — за исключением Павла

Грехова. На следующий день после похорон на сайте республиканского МВД появилось сообщение, что по факту самоубийства пенсионера глава министерства назначил служебную проверку в отношении руководства отдела МВД по Урванскому району.

Сообщить ее результаты в пресс-службе управления «Медиазоне» пока не смогли. Не извещали о результатах проверки и адвоката Ельмирзокова, но в СК ему подтвердили, что проверка проводится по статье о доведении до самоубийства (статья 110 УК).

«Я хочу реабилитировать его, доказать что он хороший человек, что он не наркоман, — говорит вдова. — Я буду биться до конца, реабилитирую своего дедушку. Он ни в чем не виноват. Я теперь не знаю, как дальше жить, мне тяжело жить теперь. Мне очень тяжело это перенести. Если бы он был каким больным, я бы до конца была вместе с ним, ждала бы. А тут такой исход — к этому я не была готова».

Редактор: Егор Сковорода

1. Это были оперуполномоченные из группы по контролю за оборотом наркотиков отдела МВД по Урванскому району.
2. Постановление о разрешении проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещения», подписанное председателем Урванского районного суда Кабардино-Балкарской республики. Есть в распоряжении редакции.
3. Эту последовательность событий подтверждает и участвовавший в обыске сосед Артур Абазов.
4. Пенсионерка утверждает, что Грехов часто выпивает и плохо относится к ней, потому что однажды она бросила в его забор

камень, разгоняя уличных котов — а сосед потребовал компенсацию за образовавшуюся вмятину.

5. Удаление молочной железы.

6. В России вес наркотического средства определяется не по массе действующего вещества, а по общему объему смеси.

7. Сейчас пост удален, у «Медиазоны» сохранился скриншот.